Я – ваши неприятности

Автор:
Татьяна Полякова

Я – ваши неприятности

Татьяна Викторовна Полякова

Авантюрный детектив

Кажется, у тетушки и ее очаровательной племянницы нет никаких шансов уцелеть в войне между бандитскими группировками. Ведь именно они стали причиной схватки, где нет места для жалости. Да и решительный незнакомец, спасающий их, не внушает особого доверия. Кто он и что им движет? Они могут лишь догадываться об этом…

Татьяна Полякова

Я – ваши неприятности

– Осень в Италии, – заливалась соловьем тетка Серафима, – Рим, собор святого Марка, Колизей…

– Пизанская башня, – подсказала я.

– Точно. А она где?

– Должна быть в Пизе. Хотя, может, и нет.

– А в Париже какая?

– Эйфелева.

– Тоже неплохо. Но я хочу в Италию. Осень в Италии – это так романтично. – Она мечтательно вздохнула, а потом добавила: – Ну?

– Что «ну»? – Я сделала вид, что не понимаю, куда она клонит.

– Мы едем в Италию? – капризно спросила тетка Серафима.

С моей точки зрения, делать в Италии мне совершенно нечего. Я с трудом переношу самолеты, не говорю по-итальянски и ненавижу экскурсии. У меня друзья в Тбилиси, а мама в Риге, чем не заграница?

– Далась тебе Италия, – робко начала я, заведомо зная, что против тетки мне не устоять. – Я, вообще-то, к своим думала…

– Ты ж в июне была, на мамулин день рождения.

– Ну и что? Я скучаю. К тому же Рига – красивый город.

– Подумаешь, Рига. Только и хорошего в этом городе то, что там родились два замечательных человека.

– Первый – это я. А кто второй?

– Второй, деточка, твоя тетя.

– Такого счастья город не выдержит…

– Подожди, они мне еще памятник поставят, – уверенно заявила тетка.

– За что? – хмыкнула я, прикидывая, как бы половчее отделаться от Серафимы.

Каждый год я пытаюсь проделать этот фокус, впрочем, без особого успеха. Сколько себя помню, отпуск, а раньше – каникулы мы проводили вместе. Боюсь, это стало незыблемой традицией. Тетка Серафима – младшая сестра моей мамы,

разница в возрасте у них исчисляется пятнадцатью годами. Когда маме исполнилось восемнадцать, а Серафиме соответственно три, они осиротели, в один день лишившись отца, матери и бабушки в результате дорожной аварии. Маме пришлось заменить Серафиме родителей. Я же воспринимала Серафиму как старшую сестру, разница в возрасте была невелика, а теткой называла из вредности. Мы дружим с детства, и я ее очень люблю. Беда в том, что Серафима вечно что-нибудь выдумывает. То потащит меня на Камчатку, любоваться гейзерами и вулканами, то на Алтай конным маршрутом (об этом отпуске я по сию пору вспоминаю с душевным трепетом), то ей позарез нужна Сибирь и Саянские столпы. Конечно, все это очень здорово, но все дело в том, что я ужасно ленива. Лучший отдых для меня – валяться на диване с хорошей книгой, пить чай с лимоном и воображать себя в роли Марии Стюарт. Шиллера наш театр не ставит, но я не теряю надежды.

– Ну? – повторила Серафима сурово.

Я вздохнула и ответила:

– Поехали. – Голос звучал жалко, я в очередной раз мысленно упрекнула себя в отсутствии характера. Не мечтать мне о Марии Стюарт.

– Чего-то я энтузиазма не наблюдаю, – еще больше посуровела Серафима.

– Я пока не осознала всей прелести, – попробовала я оправдаться.

– Осознаешь. Мы тебя там замуж выдадим за итальянского графа или герцога. Будешь играть в «Ла Скала».

– В «Ла Скала» поют.

– А ты сыграешь. Знаешь, что все в жизни решает? Правильно, деньги. Так что сыграешь.

– А я где-то читала, что итальянские аристократы бедны, как церковные мыши.

– А мы миллионера отыщем, он купит титул и сделает тебя графиней. Один свободный миллионер в Италии найдется, страна немаленькая. Считай, ты уже

аристократка. С такой-то красотищей это плевое дело.

– Конечно, – лениво согласилась я. По мне, так лучше выглядеть как Фаина Раневская, само собой, при этом имея ее талант. Думаю, талант у меня есть, жаль только, не многие стремятся его лицезреть. Конечно, мне грех жаловаться, в родном театре я занята почти во всех спектаклях. Но это благодаря тому, что оба наших режиссера просто поглупели, изо дня в день лицезрея мои небесные черты. Подозреваю, что в глубине души они считают меня бездарной. Одно хорошо: оба уже в весьма почтенном возрасте, и их интерес ко мне носит чисто эстетический характер.

– Хорошо, я выйду замуж за герцога, – сказала я. – Если ты настаиваешь…

– Я беспокоюсь о близком существе.

– Это я существо?

– А о ком мы говорим?

– Слушай, ты уже наговорила на сотню. Может, простимся? – без особой надежды спросила я.

– Ну и манеры у тебя, нет чтобы тетке «спасибо» сказать…

– Спасибо, – промямлила я. – Только за что?

– За заботу. Решено, в отпуск едем в Италию. Ты, я и вечный город. Скажи, класс?

Я сказала.

А через две недели я выгружалась из автобуса, нервно поглядывая по сторонам в поисках любимой тетушки. Ее нигде не наблюдалось. На Серафиму это не похоже. Три дня назад я отбила телеграмму, указав дату и час своего прибытия. И хотя на оркестр и ковровую дорожку я не рассчитывала, но надежды питала, что меня все-таки встретят и стоять в обществе трех огромных чемоданов не

придется.

С трудом оттащив багаж в сторонку, я тосковала, продолжая высматривать в толпе тетушку. Через полчаса я стала злиться, повторяя: «Где ее черти носят?», потом, оставив чемоданы под присмотром старушки, торговавшей семечками, бросилась к телефону. Он не работал, так же как и два других, обнаруженных мной на вокзале. Прошел час. Для конца августа было невыносимо жарко, я то и дело вытирала лицо платком и уже начинала проклинать все на свете. Надо что-то решать. Или тетка не получила мою телеграмму, или дела чрезвычайной важности помешали ей встретить дорогую племянницу. По моему мнению, таких дел у тетки быть не могло. Значит, все-таки виновата была телеграмма. Ждать далее не имело смысла. Я взглянула на свой багаж и, вновь препоручив его заботам старушки, побрела к стоянке такси. Длинная вереница машин предстала моим глазам, в первой сидели два мордастых парня и резались в карты.

– Извините, вы свободны? – жалобно спросила я: день начался неудачно и ничего хорошего я уже не ждала.

– Свободен, – ответил хозяин такси, не удостоив меня взглядом.

– Вы не могли бы подъехать за моим багажом, вон туда?

– А там «кирпич», – злорадно сообщил таксист, собирая карты.

Его приятель оказался человеколюбивее, увлеченно меня разглядывая, он сказал:

– Наплюй на «кирпич», Вася. Помоги девушке.

Теперь на меня уставился и Вася, а потом милостиво кивнул:

– Садитесь.

Через минуту он забросил мои чемоданы в багажник, я назвала адрес, и мы отправились к Серафиме.

– Из отпуска? – спросил он.

– Нет, в отпуск.

– А сами откуда?

Я ответила.

– Значит, отдыхать к нам?

– Решила навестить тетю. Дала ей телеграмму, а она меня не встретила.

– Бывает. У меня один раз так вышло: послал телеграмму жене, домой приехал, а телеграмма к вечеру прибыла вслед за мной.

– Я три дня назад посылала…

– А, бардак кругом, – махнул он рукой.

Мы въехали во двор теткиного дома и затормозили у подъезда. Я вышла из машины, подняла голову и посмотрела на Серафимины окна. Никто оттуда мне не улыбался и не размахивал руками.

– Какая квартира? – спросил таксист.

– Спасибо большое, я сама как-нибудь…

– Донесу, мне нетрудно.

– Третий этаж… – усомнилась я.

– Ерунда, идемте.

Мы поднялись на третий этаж: я с одним чемоданом, а «добрый самаритянин» с двумя. Я нажала на кнопку звонка – он не работал. Тогда постучала. Дверь открылась, и я увидела тетю Веру, соседку Серафимы из одиннадцатой

квартиры.

– Лика, – ахнула та. – Лика, милая, приехала… а что ж Серафима-то ничего мне не сказала? Или ты сюрпризом?

– Телеграмму посылала… – с некоторой обидой ответила я.

– Бог с ней, с телеграммой. Вот тетка-то обрадуется…

Мы обнялись и облобызались. Тетя Вера – добрая душа и одинокая женщина, Серафима ей как родная.

– Вот видите, – сказал таксист. – А вы переживали. Говорил, телеграмма запоздала, так и есть.

Раз пять сказав ему «спасибо», я распрощалась и вошла в квартиру.

– А Серафима где? – спросила на ходу.

– Дома. Голова у нее с утра болит.

Тут я увидела свою тетушку. Она возлежала на диване, вытянув ноги в туфлях на устрашающей высоты каблуках. Голова ее была обмотана полотенцем, в левой руке чашка, а в правой сигарета.

– Привет, – сказала я.

Серафима на меня посмотрела и закатила глаза.

– О господи… Я про тебя забыла.

– Приятно слышать. Между прочим, я час прождала на вокзале. У меня три чемодана, и все тяжелые. Я выхожу замуж за графа или уже нет?

– Иди я тебя поцелую, дитятко.

– Ты свинья, Серафима.

– Да ладно, не злись…

Мы поцеловались, и я села рядом, подозрительно ее разглядывая.

– Что-нибудь не так? – спросила я через минуту.

– Прости меня, убогую. Я должна была предупредить, чтобы ты не приезжала.

– С чего это вдруг? – удивилась я.

– Неприятности. И весьма крупные.

– Что еще за неприятности? Влюбилась?

Тетушка махнула рукой.

– Работа…

Я нахмурилась. Ее работа с самого начала не вызывала у меня доверия. То есть не сама по себе (работала она бухгалтером), а место, где тетушка прикладывала свои недюжинные способности. Местом этим было казино. А я являюсь убежденным противником азартных игр.

– Развалилась ваша контора? – задала я наводящий вопрос.

Тетка разглядывала потолок, я тоже подняла голову и с готовностью на него воззрилась. Ничего интересного обнаружить не удалось.

– Говорю, контора ваша развалилась? – напомнила я о своем существовании, повышая голос.

– Контора процветает, – хмыкнула в ответ Серафима. – А я, судя по всему, скоро накроюсь.

– Что? – не поняла я.

– Повесили на твою тетушку восемьдесят семь миллионов. Отдать нужно в недельный срок. Со вторника включат «счетчик».

Я вытаращила глаза и попыталась переварить информацию.

– Что значит «повесили»?

– То и значит. Подставили, прокатили, объегорили. Короче, у меня неприятности и головная боль.

– Ничего себе неприятности. Неприятность – это когда каблук сломаешь, а здесь восемьдесят семь миллионов… Это же… Ты ведь этих денег не брала? – строго спросила я.

– Само собой.

– Так чего ж на диване лежишь? Надо идти в милицию, в прокуратуру… не знаю, какие еще органы этим занимаются.

– Ты, деточка, часом не спятила? Какие органы тебе привиделись?

– Местные.

Серафима свистнула и даже пальцем у виска покрутила, так ее потрясла моя крайняя отсталость.

– Послушай, ты ведь не собираешься их отдавать? – ужаснулась я. – Где ты возьмешь такие деньги?

– Продам квартиру, машину, гараж…

– А также мебель, одежду и обувь, – подсказала я, тетка нахмурилась. – Не можешь ты серьезно говорить подобную чепуху. Постой, а этот, как его, Петр Сергеевич, твой директор. Ты утверждала, что он сказочной доброты мужик. Он

что говорит?

– Во-первых, оказалось, что не только доброты, но и простоты. Во-вторых, он уже десять дней где-то отдыхает, и найти его возможным не представляется.

– Ты ходила к юристу, консультировалась?

Тетка опять выразительно покрутила пальцем у виска.

– Молчи лучше, не тревожь меня.

– Что-то я не понимаю, – стала я гневаться. – Странно ты себя ведешь. Ни за что ни про что с нее требуют огромные деньги, а она на диване лежит и потолок разглядывает.

– Я не просто разглядываю, я думаю.

– И что надумала?

Тетушка тяжко вздохнула.

– Придется платить. Ох, все-то нам по грехам нашим!

– Какие грехи? Ты брала эти деньги или нет? Изъясняешься чрезвычайно туманно, это меня тревожит…

Я не успела до конца высказать свою мысль, как хлопнула входная дверь, и в комнату бесцеремонно ввалились две личности мужского пола и совершенно непотребного вида. То есть вид сам по себе был довольно обыденным, но подобных манер мне никогда раньше наблюдать не приходилось. Поэтому в первую минуту я растерялась, а потом и вовсе лишилась дара речи. Эти типы вломились в квартиру, не дав себе труда постучать или каким-то иным тривиальным способом оповестить о своем появлении, пнули ногами дверь комнаты, насвистывая и на ходу засовывая руки в карманы давно не стиранных штанов. У одного из них недоставало половины передних зубов, у другого левое веко было как-то странно прикрыто. В общем, они производили впечатление немытых, ущербных и совершенно неуместных в Серафиминой квартире

личностей.

Тетушка не проявила по поводу их появления ни ужаса, ни удивления.

– Привет, Серафима, – сказал беззубый.

– Привет, – ответила она равнодушно и продолжила разглядывать потолок.

– Ну и как там наши денежки? – ухмыльнулся беззубый, вслед за ним ухмыльнулся и его приятель.

– Как в банке, – серьезно ответила Серафима. – Надежно, выгодно, удобно.

– Может, тебе какой намек дать? – не унимался парень. – Может, ты шевелиться начнешь…

– Я шевелюсь. Продаю квартиру. Юрик в курсе, я ему звонила.

– А это кто? – подал голос второй тип, кивнув в мою сторону.

С момента появления они поглядывали на меня с интересом, а теперь пялились откровенно и нагло.

– Племянница. Слюни-то подбери, придурок, не для тебя припасли.

– Чей-то я не понял, чей-то ты пасть разеваешь? – пропел парень, стремительно выбрасывая вперед руку.

Удар пришелся Серафиме по лицу. Я обомлела, вытаращила глаза, а потом попыталась подняться. Тетка больно пнула меня в бок каблуком, сурово нахмурившись, вытерла кровь с разбитой губы и спокойно сказала:

– Витенька, дерганый ты мой, повторяю специально для слабослышащих: не для тебя припасено. Понял?

– Ага, – ответил беззубый, продолжая меня разглядывать.

На всякий случай я уставилась в потолок. Потосковав немного в молчании, парни, не сговариваясь, направились к двери.

– Ну, бывай, – кивнул беззубый. – Увидимся. Племянница, говоришь?

Как только хлопнула входная дверь, я, выскочив в прихожую, заперла ее на оба замка.

– Дверь лучше держать открытой, – философски заметила Серафима. – Вышибут. Хлопотно, и соседям беспокойство.

– Это что же такое? – ахнула я, как только смогла отдышаться. – Это уму непостижимо…

– Кончай тарахтеть, – усмехнулась тетушка, поднимаясь с дивана. – Пойдем, хоть чаю выпьем.

– Какой, к черту, чай! Этот негодяй тебя ударил. Немедленно, слышишь, немедленно звони в милицию! Нет, лучше я позвоню…

– Ты, племяшка, у меня вовсе дурочка, – загрустила тетка. – Не пойму только в кого.

– Ты что же, хочешь, чтобы этим подонкам их гнусная выходка с рук сошла?

– Брось. Витька – не самое плохое, что есть в подлунном мире. А по фейсу я схлопотала по твоей милости. Мужики при виде небесных черт впали в буйство. Надеялись, что ты на месте не усидишь и глупость сделаешь: звук какой издашь или того хуже, на выручку кинешься. Вот тут бы они потешились… Слава богу, хватило ума сообразить, чего хочет от тебя твоя старая мудрая тетка.

– Ты хочешь сказать… – начала я.

– Я хочу сказать: с первым автобусом – домой. Италия отменяется, и здесь тебе не место.

– Господи, да что же это?

– Ты сейчас на курицу похожа, – с усмешкой заметила Серафима.

– Это чудовищно, – твердо сказала я. – Как в кино: Германия, тридцать девятый год, два эсэсовца на отдыхе, и я – несчастная еврейка.

Серафима хохотнула, ставя на плиту чайник:

– Конечно, не Германия, не СС, и ты не еврейка, а православная христианка, беспримесно русская на обозримые поколения… Но суть ты ухватила.

– Я звоню в милицию.

Тетка махнула рукой:

– Много пользы!

– От милиции много пользы?

– В моем случае – никакой, – очень серьезно сказала Серафима и даже вздохнула.

Тут я испугалась по-настоящему.

– Серафима, ты должна немедленно уехать. Конечно, я не планировала до конца дней жить с тобой под одной крышей, но у меня вполне приличная квартира, и мы в ней как-нибудь разместимся. График работы у нас не совпадает, так что мы даже не сумеем как следует надоедать друг другу…

– Возможно, так оно и будет, – загрустила Серафима еще больше.

– А кто эти типы? – спросила я, разливая чай.

– Так, мелочь…

– Ничего себе, мелочь.

– Пугают. Что б я прочувствовала.

– А кто их послал? Директор в отпуске прохлаждается, так кому какое дело до пропавших денег?

– Юрке Каткову дело. Директор ведь так, для виду. Хозяин Каток, это его ребята были.

– Боже мой, куда ты изловчилась вляпаться? И на что тебе сдалось это казино? Шла бы в детский сад или вон в зоопарк.

– Так ведь денег хотелось. Люди гибнут за металл. Ты, наверное, голодная, сейчас пельменей отварю…

– Какие пельмени? У меня кусок в горле застрянет.

– Очень ты у меня впечатлительная. Творческая натура, тонкая душа…

– Прекрати, ничего забавного я в этой ситуации не вижу.

– Я тоже, – охотно согласилась Серафима.

– Постой-ка, – всполошилась я. – У тебя же был знакомый, Володя, он как будто трудился в каком-то отделе… не помню, как правильно, но точно помню, что по борьбе с бандитизмом.

– Не был, а есть. Ну и что?

– Как что? Звони ему, он должен помочь.

– Чем, интересно? Денег в долг дать? Так у него их сроду не было. Он же юродивый, сиречь честный. Оттого и оклад мизерный, приработков не наблюдается, жена зануда и две девки-акселератки на папу дуются, тряпки новые хотят. От Вовки толку, как от козла молока. Он жутко скучный и

обременительный для природы тип.

– Он представитель правопорядка, – назидательно заметила я, – и он должен знать, как поступить в подобном случае.

– Собирать бабки и отдавать, пока «счетчик» не включен. Это я тебе и без Вовки скажу.

– Мне нужен номер его телефона, – очень грозно сказала я. – И без глупостей. Если нет способа доказать свою правоту и противостоять бандитам, пусть он мне сам об этом скажет.

– Охота тебе над человеком измываться? – сокрушенно покачала головой Серафима, но, взглянув на меня, телефон дала.

Застать Владимира Петровича в кабинете оказалось делом нелегким, но с четвертой попытки это удалось. Я услышала очень приятный, с усталой интонацией мужской голос, что меня в данных обстоятельствах не порадовало.

– Здравствуйте, Владимир Петрович, – бодро начала я. – Вас беспокоит племянница Серафимы Павловны.

– Лика? – Голос зазвучал бодрее. – Приехала в гости? Рад… – Тут до него, как видно, дошло, что звонить мне ему вроде бы без надобности, и он насторожился: – А что случилось? Как дела у тетушки?

– Скверные дела у тетушки. Володя, ты можешь приехать? Лучше прямо сейчас.

После трехсекундной паузы он сказал:

– Хорошо. – И повесил трубку.

Я вернулась в кухню. Серафимы там уже не было, она перебралась на диван и с прежним энтузиазмом разглядывала потолок.

– Он приедет, – сообщила я, на что Серафима только криво усмехнулась.

Однако появился Владимир Петрович только через час, извинился, прошел в комнату и сел в кресло рядом с Серафимой.

– Вижу: жива, здорова, значит, все не так скверно, – вместо «здравствуйте» сказал он. – Хотя здоровье и прочее – категории временные.

– Утешитель, – фыркнула Серафима.

– Помнится, я тебя полгода назад предупреждал! Предупреждал?

– Ну…

– Гну. Сколько они хотят?

– Восемьдесят семь миллионов.

Владимир Петрович присвистнул.

– Да-а, такие деньги в три дня не соберешь…

Я взирала на него в крайнем негодовании. С момента нашей последней встречи он заметно постарел, потускнел и осунулся. И не имел ничего общего с бравым защитником правопорядка. На Владимире Петровиче был неновый серый костюм, подозреваю, единственный. Манжеты рубашки заметно обтрепаны, волосы давно требовали стрижки. А в целом он выглядел классическим неудачником: ранняя седина, утомленное лицо, равнодушный взгляд.

– Если я правильно понимаю, Владимир Петрович, – не выдержала я, – вы советуете тетушке отдать деньги?

– Советую, – кивнул он бесстрастно.

– Вы думаете, она их украла?

– Не думаю.

– Тогда, простите, я ничего не понимаю.

– Лика, нельзя ли мне чашку кофе, лучше с бутербродом. Я не успел пообедать, – усаживаясь поудобнее в кресле, попросил Владимир Петрович.

– Свари ему пельменей, – сказала Серафима.

С моей точки зрения, он и чая без заварки не заслуживал, но я подчинилась. А вернувшись с пельменями, заявила:

– Я по-прежнему не в состоянии понять ход ваших мыслей.

– Если я правильно информирован, боюсь, ничего другого, как заплатить, не остается.

Видно, на целый час Владимир Петрович опоздал не зря и кое в чем успел разобраться. Слегка утомленным голосом, расслабленно сидя в Серафимином кресле, он прочитал пятнадцатиминутную лекцию, из которой я вынесла убеждение, что нам не поможет сам господь бог. Сдаваться не хотелось, и я гневно спросила:

– Выходит, всякие подонки могут врываться….

Владимир Петрович поднял ложку, прерывая поток моего красноречия, и прочитал еще одну лекцию, короткую, но впечатляющую. Я загрустила, а он закончил так:

– А по поводу посещений… если мы будем иметь официальное заявление… ты будешь его писать? – Серафима энергично замотала головой. – Знакомо. Так вот, в этом случае мы примем меры. Однако в течение длительного времени оберегать тетушку денно и нощно мы возможности не имеем. Конечно, я могу выступить в роли личного телохранителя, но и я должен работать, а также спать. Потому толку будет немного. Следовательно, нам необходимо подумать, где достать до вторника восемьдесят семь миллионов.

– Ушам своим не верю, – всплеснула я руками.

– Я твоей тетушке раз сто говорил, что в этом гадюшнике ей не место. Говорил я тебе?

– Ой, помолчи, – махнула рукой Серафима. – Не хватает мне только морали выслушивать.

Я посмотрела на нее, потом на Владимира Петровича и вздохнула:

– Что ж, давайте думать… Часть денег я могу занять у Павла Николаевича. Думаю, он не откажет.

– Это твой плешивый бизнесмен? – нахмурилась тетка Серафима.

– Что за выражения? Он очень приличный человек.

– А чего ты за него замуж не выходишь?

– Замуж? – вытаращила я глаза от удивления. – За Павла Николаевича? – Такая мысль никогда не приходила мне в голову.

– Конечно. Хороший человек и два года таскается за тобой как хвост.

– Да что за глупость такая? Я совершенно не хочу замуж.

– Так я тебе и поверю, замуж все хотят. Молчи лучше. Денег она займет… Чтоб я собственную племянницу, кровинушку, отдала на поругание какому-то хмырю за паршивые восемьдесят семь миллионов?

– Серафима! – гневно крикнула я.

– То-то. Серафима… Чем отдавать будешь?.. Не тревожь меня.

– Но где-то мы их должны взять.

И тут тетушка заявила:

– Не в деньгах дело…

– Что? – открыла я рот, а Владимир Петрович нахмурился.

– Даже если я отдам деньги, на этом дело не кончится. Юрик меня все равно достанет, не битьем, так катаньем.

– И чем ты ему насолила? – спросил Владимир Петрович.

Серафима с тоской посмотрела на люстру и молвила:

– Младший Катков в друзья набивался. Ну, я под горячую руку и огрела его бутылкой из-под пива. Разозлился, крысеныш, тут и начались мои неприятности.

– Ты ударила Жорку Каткова пивной бутылкой? – удивился Владимир Петрович. – И лежишь на диване в таком цветущем виде? Не могу поверить…

– Я сама с трудом верю, все в зеркало поглядываю. Восемьдесят семь миллионов – это только начало…

– Уж это точно, – покачал головой Владимир Петрович. А я попыталась внести ясность:

– Кто такой этот Жора и что все это значит?

– Братья Катковы в наших местах люди известные. Бандиты, одним словом. Старший, Юрка, многое в городе к рукам прибрал, в том числе и казино, где Серафима трудится, а младший Каток – психопат и убийца.

– Как вы интересно рассказываете, – съязвила я. – Отчего ж он не в тюрьме и не в больнице, а к тетушке пристает?

– Оттого, что все в подлунном мире не так просто. Опечалила ты меня, Серафима, – сказал Владимир Петрович. – Пожалуй, и в самом деле придется идти к тебе в телохранители.

– Ты чего на диване лежишь, дурища? – не выдержала я. – Собирай вещи и бежим отсюда без оглядки.

– Не могу. Это противоречит моему характеру, – серьезно сказала Серафима. – Оглядываясь назад, я вижу осуждающие лики предков. Бабка на Соловках сгинула, а крест с шеи не сняла.

– Так то крест, и бабка была староверкой, а ты ни в черта, ни в бога не веруешь, а вот если будешь на диване лежать, то с предками встретишься раньше времени.

– Я не лежу на диване, – обиделась Серафима. – Я думаю.

– О чем, интересно?

– О спасении живота своего. И тут ты по справедливости мне помочь должен, – повернулась она к Владимиру Петровичу. – Скажи-ка, есть в городе человек, способный посадить братанов Катковых на задницу?

– В данном конкретном случае? Наверное, есть.

– То, что мне надо!

– Серафима, – нахмурился он. – Я тебе уже говорил и опять скажу: женщина, если она не совсем дура, должна держаться от бандитов подальше, лучше всего и вовсе не знать об их существовании. Я ясно выразился? Кстати, пословицу вспомнил: из огня да в полымя. Знаешь такую?

– Ты мне друг? – спросила Серафима, опустив глаза долу. – Должен ты мне помочь? Сыщи человека, а там я уж как-нибудь сама…

– Представляю…

– Есть такой человек?

– Ну, есть… и что? Вместо одного бандюги будешь должна двум.

– Я все по-умному оформлю, на свой женский манер. Да мужику за счастье услужить женщине. Давай колись: кто, где найти?

– Циркач. Из молодых. Злой, голодный. Каток ему как кость в горле.

– Молодой? Годков ему сколько?

– Лет двадцать пять.

– Черт, – выругалась Серафима. – Я для него несколько старовата. В том смысле, чтобы являться венцом творения божьего… – Тут взгляд ее наткнулся на меня. Серафима задумалась, а Владимир Петрович насторожился.

– Ты что сейчас говорила? Не дам родную племянницу на поругание плешивому бизнесмену? А бандиту подсовываешь? – сказал он.

– Очень даже далека от этого. Нам требуется романтический образ, гений чистой красоты, при виде которого мужик продаст нательный крест и бессмертную душу.

– Белая горячка, – развеселился Владимир Петрович.

– Ты меня имеешь в виду как «гения» и «образ»? – спросила я.

– Конечно.

– Серафима, – сказала я. – Это волюнтаризм. Я этих стриженых до смерти боюсь и совершенно не знаю, как себя с ними вести.

– Постыдилась бы говорить такое, ты ж актриса.

– Смею заметить, – вмешался Владимир Петрович, – что мы не в театре. Там в худшем случае освищут, а здесь и головы лишат.

– Вот именно, – радуясь поддержке, кивнула я.

– Эх, а еще Марию Стюарт изображать хочешь. С заячьей-то душой королеву-мученицу не сыграешь.

– Это шантаж, – разозлилась я.

– Мне можно, я тетка. Ну? Давайте попробуем доказать, что мы чего-то стоим.

– Я совершенно не представляю… – жалобно начала я.

– Принципиальное согласие, – перебила меня тетка.

– Серафима, это глупо, безответственно и опасно.

– Ну?

– Считай, я в деле, – выдохнула я, опускаясь в кресло.

– Дурочки, – покачал головой Владимир Петрович, направляясь к двери. – Подумайте насчет денег, и я прикину, чем могу помочь.

– Вовка, – позвала Серафима, – знаешь, что тебе надо? Встряхнуться. Ты ж был отчаянным мужиком.

– Был, да сплыл.

– Ничто не проходит бесследно…

– Эту цитату можно трактовать двояко.

– Хорошая афера пойдет тебе на пользу.

– Я не имею права быть аферистом.

– А ты на работе отпуск возьми. Завтра у тебя выходной?

– Выходной.

– Значит, в десять ноль-ноль – производственное совещание на моей кухне. Об этом Циркаче я должна знать все, как старушка соседка.

– Думай, где деньги взять, – сказал на прощание Владимир Петрович и удалился.

Серафима, необычайно взбодрившись, направилась в ванную, откуда вернулась цветущей и сияющей, и потащила меня в ресторан, отмечать мой приезд и начало военной кампании.

– Он не придет, – убежденно сказала я, глядя на часы.

– Вовка? Придет как миленький. Я его много лет знаю. Это сейчас он серый да облезлый, а душа прежней осталась. Можешь мне поверить. Бандюги его вконец доконали, оттого и раскис. Вечером сажает, утром выпускает, обо всех их делишках осведомлен, а упрятать этих деятелей куда следует не может. Он из-за этих гадов мужиком себя чувствовать перестал. Потому не упустит шанса насолить им как следует.

– Серафима, что-то я смутно вижу, как мы им насолим.

– А тебе и не надо. Твое дело быть недосягаемо прекрасной. Отважные рыцари скрестят копья…

– Никакие не рыцари, а бандиты, и меня это очень тревожит.

– Я с тобой, не боись!

– С тобой я еще больше боюсь.

Без двух минут десять в дверь постучали. Я кинулась открывать. На пороге стоял Владимир Петрович. Подозрительно помолодевший. В преддверии дневной жары вместо серого костюма он облачился в джинсы и футболку, мало того, он подстригся. Азартный блеск в глазах я отнесла на счет выходного и хорошего настроения. В целом он выглядел очень неплохо, я бы даже сказала,

«интересно».

– Где генерал? – спросил он.

Мы отправились к Серафиме. Та при виде давнего друга свистнула и сказала:

– Ты часом не влюбился?

– У меня выходной – это раз, я пришел в гости к двум красивым женщинам – это два, сегодня мой день рождения – это три.

– О господи, – простонала Серафима. – Я ж забыла совсем, прости непутевую, это все неприятности. Лика, собирай на стол, а я пойду чего-нибудь пошарю.

Пока я собирала на стол, тетка вернулась, держа в руках красиво оформленную коробку с набором для бритья. Из чего я сделала вывод, что подарок для дорогого друга был припасен заранее. Пока они поздравлялись и обнимались, я вспомнила про кружку, что привезла в виде презента своей неразумной тетушке, да так и не вручила из-за свалившихся на нашу голову неприятностей. В общем, я не ударила в грязь лицом и тоже поздравила Владимира Петровича. Как тот не прослезился, ума не приложу. Но остался очень доволен. Мы сели за стол, выпили, как полагается, за его здоровье и целых полчаса говорили только об имениннике. Через тридцать минут тетка Серафима, решив, что этикет соблюден, вернула нас к мрачной действительности.

– Что ж, пора поговорить о деле.

– О деле так о деле, – хмыкнул Володя. – Итак, Правдин Сергей Константинович, по кличке Циркач, двадцать шесть лет, не судим, женат, дочь пяти лет, жена домохозяйка.

– И что? – нахмурилась Серафима.

– А чего ты хотела? Слушай дальше. Отец и мать алкоголики, парня воспитывала парализованная бабушка. Объяснять, что это значит? Хорошо учился. От соседей и учителей отзывы только положительные. В настоящее время ни с родителями, ни с запойной сестрой отношений не поддерживает. Женился очень рано,

супруга старше его на пять лет. Знают друг друга с детства, в одном дворе росли.

– Уже кое-что, – вздохнула Серафима.

– Имеет репутацию серьезного, умного, сдержанного и весьма опасного человека.

– Это в двадцать-то шесть лет? – удивилась тетка.

– Я тебя сейчас еще не так обрадую. Циркач в своем роде бандит редкий. Отличный семьянин. К женщинам равнодушен, любовницы не имеет, шлюх терпеть не может, надо полагать, сказывается суровое детство. В бане и то без баб парится.

– Это уж вовсе никуда не годится, – закручинилась Серафима.

– Чем богаты…

– А почему у него кличка такая странная? – спросила я. – Он что, в цирке работает?

– Циркачом его прозвали после того, как прошелся по карнизу девятого этажа.

– По нужде или так, для удовольствия? – спросила тетушка.

– От милиции уходил. А мог бы не суетиться, переночевать у нас, а с утра домой. Гонор, одним словом. В общем, ушел и получил кличку Циркач. Еще вопросы есть? Вопросов нет. Извините, девочки, лично я за вами хоть на край света, но на чем вы Серегу Правдина поймаете, ума не приложу.

– Какая у него, однако, фамилия для бандита, – покачала головой Серафима.

– Ага, как на заказ, – согласился Владимир Петрович.

Я хранила молчание. Задача была явно невыполнимой, и я втайне радовалась. А зря.

– Что ж, – сказала тетушка, – негусто, но и не пусто. Значит, семьянин. Хорошо.

– Чего ж хорошего? – удивился Владимир Петрович. – Я тебя сразу предупреждаю, он не клюнет. А если вы в кабаке к нему приставать начнете, он скорее всего нацелит вас шагать довольно далеко, причем в грубой форме.

– Вот-вот, – подала я голос, – к тому же я совершенно не способна приставать к мужчинам в этих… в кабаках. Говорю сразу, у меня не получится.

– За что тебе деньги в твоем театре платят? Не может она… А тебе, друг мой Вовка, я со всей ответственностью заявляю: нет такого мужика, которого нельзя взять за яйца.

Я собралась покраснеть от такой грубости, но передумала и только рукой махнула, а Серафима, глядя в потолок, продолжила:

– Кабак не годится. Дыша духами и туманами… конечно, здорово, но вдруг он это стихотворение в детстве не читал?

– Серафима, – решила вмешаться я, – наша задумка никуда не годится. Ясно – он любит жену. И человек приличный, я, конечно, имею в виду не его бандитство, а то, что парень хотел подняться из грязи, в которой оказался в момент рождения. Наверное, он не пьет? – Вопрос адресовался эксперту по Циркачу.

– Очень мало, очень редко, – ответил Володя.

– Видишь, – обрадовалась я. – Мы имеем дело с индивидуумом, желающим покончить со своей средой. А такого человека должны волновать деньги, успех…

– И женщины, – хмыкнула Серафима, – которые, выражаясь языком начала века, принадлежат к другому сословию.

– Он любит жену, – нахмурилась я.

– Еще бы, она ему вместо мамки. Помогала и поддерживала. И сейчас наверняка советы дает. Конечно, он испытывает чувство благодарности, и вполне возможно, что в ней нуждается. Только мальчик вырос. Двадцать шесть лет – время страстей и большой любви. Я проглочу свой язык, если он не клюнет.

– Хотелось бы присутствовать, – съязвила я, но остановить тетушку было уже невозможно.

– Он наверняка подумывает своих чад отправить в Гарвард. Отголоски несчастного детства: моя дочь ни в чем нуждаться не будет…

– Нам-то что с этого? – разозлилась я.

– А то… Обращаю ваше внимание на тот факт, что хорошо закончивший школу мальчик не пошел в институт, а стал бандитом. Наверняка имел на судьбу обиду. Воображает себя кем-то вроде Робина Гуда. Улавливаете? Парень – романтик. Вот мы ему и отвалим романтики по самые уши.

– Конечно, в психологии я не силен, – мудро заметил Владимир Петрович. – Только кажется мне, что чепуха все это.

– Так давайте проверим, – миролюбиво кивнула тетка. – Вернемся к главной проблеме: где нам его зацепить? Кабак, по здравом размышлении, действительно не годится. Где он еще бывает? Я имею в виду общественные места. Театр, концертный зал?

– Ты, Серафима, малость загнула, в театре и я бываю раз в год.

– А вот и напрасно, – не удержалась я. – У вас хорошая труппа и спектакли удачные…

– Ты нам потом расскажешь, – перебила Серафима. – Значит, театр отпадает. Что ж нам, его на улице ловить? Организовывать случайную встречу?

Володя за ухом почесал и неохотно сказал:

– Он ездит в церковь по воскресеньям.

– Зачем? – в два голоса удивились мы.

– Жену привозит, а сам ждет в машине.

– Ясно. Жена, значит, мужнины грехи замаливает. Что ж, разумно, сразу видно, люди обстоятельные. Какую церковь предпочитают?

– Вознесенскую.

– Это та, что на Ивановой горе? – чему-то обрадовалась Серафима. – Повезло! Натура там… одним словом, красотища. Кстати, завтра воскресенье, ежели я ничего не путаю.

– О господи, – простонал Владимир Петрович.

– Мне-то что делать? – нетерпеливо спросила я.

– Возникнуть. Войти в его жизнь уверенной походкой. Или, на худой конец, мелькнуть, оставив след в душе. Для начала и этого хватит.

– У меня сразу вопрос, – сказала я. – Он ждет жену в машине, так?

– Так, – ответил Владимир Петрович, – темно-вишневая «восьмерка».

– Вот-вот, – усмехнулась я. – Мужчины, когда кого-то ждут, очень любят копошиться в недрах своей машины. Мне сколько раз мелькать, чтоб он заметил?

– Это я беру на себя, – сказала тетя. – Ежели он под капот залезет, подойду и отвлеку интересным вопросом.

– И он будет смотреть в твои прекрасные глаза, – подсказала я.

– Шумовой эффект, – заявила Серафима.

– Что? – проявил любопытство Владимир Петрович.

– Человек поворачивается на шум. Значит, ты подъезжаешь на машине.

Тут включилось мое воображение, с этим ничего не поделаешь. Оно включается, и я начинаю мыслить сценами. Может, во мне гибнет режиссер?

– Что-то я эту церковь плохо помню, – задумчиво сказала я. – Ступени там есть?

– Есть. Высоченная лестница. А что?

– Говорят, величественная походка мне особенно удается при подъеме.

– Ага, – взвизгнула тетушка, бог знает чему радуясь.

– Если завтра день будет солнечный, значит, белое платье. В церковь простоволосой нельзя, нужен легкий шарф, тоже белый. Нет, не шарф, что-нибудь большое, наподобие древнего мафория.

– Это что? – удивился Владимир Петрович.

– Что-то вроде платка, как у богородицы на иконах.

Володя присвистнул.

– Так вы его до смерти напугаете.

– И машина, – не обращая внимания на его слова продолжила я, – тоже белая, и не мне вас учить: «Жигулями» впечатление не произведешь. Нужно что-то такое… новенькое и блестящее.

– Обязательно белую? – проявил любознательность наш эксперт. – Лично я в городе знаю только одну машину, способную вогнать в дрожь любого бандита. Ее неделю назад пригнали.

– Что значит «знаю»? – передразнила Серафима. – Я тоже много чего знаю. Организовать сможешь?

– Отчего ж не смочь. Принадлежит она моему знакомому, мужик нормальный…

– Кто такой?

– Тарханов Илья Сергеевич.

– Знаю. «Мишка на Севере».

– Это конфеты? – полюбопытствовала я.

– Нет, мороженое, – ответила тетушка. – Фирма такая, Илья Тарханов ею заправляет. Год назад его компаньона убили, месяц назад другого. Он машину на помин души пригнал?

– Сие мне неведомо. Думаю, если я попрошу у него машину на пару часов вместе с шофером, он мне не откажет.

– Какое там, рад будет услужить, – усмехнулась тетушка. – Все под богом. А ты никак завтра с нами собрался?

– Конечно. Во-первых, жутко интересно, что у вас получится, во-вторых, если Циркач клюнет, мое присутствие внесет большую путаницу. И опять же пыль в глаза пустить: актриса к нам приехала, да такая, что сопровождать ее должен по меньшей мере начальник спецподразделения.

– Головастый ты мужик, Вова, – сказала Серафима уважительно. – Давай решай вопрос с машиной.

– Илья сейчас скорее всего в офисе, позвоню…

Илья точно оказался в офисе, хотя для меня никаким Ильей он не был, да и Владимир Петрович, общаясь с ним по телефону, обращался уважительно: Илья

Сергеевич.

– Кулагин беспокоит, – сообщил он. – Как здоровье?

Видно, Илья Сергеевич стал о здоровье рассказывать, а Володя кивать и улыбаться, когда ему это надоело, он сказал:

– А у меня просьба личного характера. Если не возражаешь, я сейчас к тебе подъеду… да… и не один… две красивые женщины… просто жаждут познакомиться… – В этом месте Владимир Петрович хохотнул и повесил трубку, и мы стали собираться в гости, хотя, с моей точки зрения, идти в гости в чей-то офис довольно странно.

Серафима готовилась к встрече с неведомым мне Тархановым с большим усердием, чем вызвала смутные подозрения. В конце концов мы покинули квартиру и вышли во двор, где под раскидистой липой укрывалась от зноя машина Серафимы – «Жигули» шестой модели. Владимир Петрович был «безлошаден». Как сообщила Серафима, в его задрипанной «трешке» стуканул мотор, теперь она спокойно сгниет в гараже: новый мотор он не купит, а починить старый руки не дойдут. Позлорадствовав вволю, она сказала верному другу:

– Садись за руль, терпеть не могу, когда мужики без дела сидят.

Владимир Петрович возражать не стал, и мы отправились к Тарханову. Его офис размещался в девятиэтажном здании, в котором несколько лет назад был какой-то институт и неведомые конторы. Теперь же пустующие площади расхватали «всякие шустрые», опять же заботливо сообщила тетушка. Вообще в ней чувствовалась некоторая нервозность, впрочем, вполне объяснимая в данных обстоятельствах.

Припарковав машину на специальной стоянке, мы вошли в огромный холл и поднялись в лифте на пятый этаж. Здесь нас ждала ковровая дорожка необыкновенной ширины, стоившая, надо полагать, немалых денег, а также улыбающийся молодой человек за столом стерильной белизны, навевающий мысль об операционной, язвах желудка и аппендиците. Но молодой человек вид имел цветущий. При нашем появлении он поднялся и с радостью шагнул навстречу, точно ждал нас целый год, как дети ждут елку или поездку к морю.

– Прошу вас, – сказал он, поздоровавшись, и указал рукой в сторону белоснежной двери. Все здесь выглядело белоснежным, а жест ухоженной руки с безукоризненным маникюром был так изящен, что меня тут же потянуло к зеркалу: повторить и вообще потренироваться. Я обвела взглядом холл, но зеркала не обнаружила. Дверь перед нами предусмотрительно распахнули, и мы оказались в коридоре. Ковер здесь был поуже, зато чудовищной длины. Все это впечатляло, причем не только меня и Владимира Петровича, неискушенного в коврах, но и тетку Серафиму, отчего та начала хмуриться, презрительно вздернув нос. Зная ее с пеленок, я поняла: это рвется наружу желание поскандалить. Миновав приемную, где за компьютером сидела секретарша, кстати, красивая, что всегда немного раздражает, мы под ее пристальным взглядом вошли в кабинет хозяина. Взгляд, которым она нас проводила, воодушевлял: выглядели мы, судя по сведенным бровям, весьма впечатляюще.

Кабинет тоже был белоснежным: стены, шторы, мебель и даже ковер казались девственно чистыми, как первый снег. Ума не приложу, как люди умудряются работать в такой обстановке? Пока мы пытались прийти в себя от невиданной роскоши, хозяин поднялся нам навстречу из-за своего неописуемо прекрасного стола, сделанного не иначе как из слоновой кости или бивня мамонта. Поднялся и лучисто улыбнулся, правда, до того парня в коридоре ему было все-таки далеко.

Илья Сергеевич оказался высоким, полноватым, с намечающейся лысиной блондином, одетым по случаю жары в легкий светлый костюм. Костюм не был белоснежным, и это радовало: мужчины в белом ассоциируются у меня с зубными врачами, что вряд ли способно согреть душу.

– Добрый день, – поздоровался Илья Сергееевич, едва заметно картавя. – Очень рад.

Он приложился к моей ручке, чем порадовал: приятно иметь дело с галантным мужчиной. Серафима облобызать свою не дала, что было странно: чего ж жадничать?

– Знакомься, Илья Сергеевич, – сказал Серафимин верный друг, с легким недоумением взирая на тетушку. – Это Серафима Павловна…

– А мы знакомы, – улыбнулся Тарханов. – Помните, Серафима Павловна, на презентации…

– Помню, – сурово кивнула та, а Илья Сергеевич засмеялся.

– Ловко вы меня тогда отшили.

– Что ж, теперь не поможете?

– Помогу, – усмехнулся он. – Я не злопамятный.

Илья Сергеевич повернулся в мою сторону.

– Лика, – скромно представилась я.

– Лика? – спросил Тарханов, жестом пригласив нас присесть. – А как, простите, полное имя?

– Давайте приятельствовать, – дружелюбно предложила я, – и полное имя не понадобится.

– Приятельствовать с превеликим удовольствием, только отчего ж не дружить?

– Это как получится, – сказала я, потому что не люблю загадывать. Свое имя я тоже не люблю.

Илья Сергеевич оказался дотошным парнем:

– Лика – это Анжелика, верно?

– Верно, – покаялась я.

– Красивое имя и вам очень идет…

– Все так говорят.

– Нет, в самом деле.

– Давайте отвлечемся от моего имени, – начала раздражаться я. – Мама обожала французские фильмы. Встречаются вещи похуже, хотите расскажу?

Илья Сергеевич засмеялся.

– Я просто хотел сказать, что вы очень красивая. Честное слово, красивее настоящей.

– Мама всегда рада кого-нибудь переплюнуть, – кивнула я. – Мы пришли по делу. Правда, я уже забыла по какому, но точно помню, что по делу.

Ухмыляющийся Владимир Петрович счел нужным подать голос:

– Илья Сергеевич, не мог бы ты завтра на пару часов одолжить свою прекрасную машину вот этим женщинам? Конечно, вместе с шофером.

Тарханов был слегка удивлен, смотрел на Владимира Петровича так, точно ждал, что тот засмеется и скажет: «Шутка», но не дождался и кивнул:

– Конечно, а можно узнать зачем?

Владимир Петрович хихикнул с некоторым ехидством.

– Да вот, задумали они авантюру. Довольно сомнительную, ежели честно. Но чем черт не шутит. Видишь ли, – доверительно понизил он голос, – Лике понравился один мужчина, и она хочет произвести впечатление…

– Моей машиной? – засмеялся Илья. – Это шутка. Зачем такой женщине машина? Достаточно просто войти и сказать: а вот и я.

– Я намерена произвести сокрушительное впечатление, – разозлилась я. – Ваша машина плюс мои небесные черты…

– А это стремление никак не связано с неприятностями Серафимы Павловны? – спросил Тарханов.

– О моих неприятностях, кажется, знает весь город, – заметила тетушка.

– Слухами земля полнится, – в тон ей ответил Илья Сергеевич.

Серафима продолжала взирать на него неодобрительно. Чем Тарханов ей так досадил, было непонятно. Вполне симпатичный мужчина тридцати пяти лет, конечно, в нем были кое-какие изъяны, например, неуместная дотошность, но в целом он производил впечатление положительного человека, твердо стоящего на ногах. Меня всегда тянуло к положительным. А Серафиму почему-то нет. Странно, вроде бы росли мы вместе…

Илья Сергеевич перестал улыбаться и сказал вполне серьезно:

– Серафима Павловна, я с радостью вам помогу, я имею в виду…

– Не трудитесь, я сообразительная. Мне нужна машина на пару часов.

– Так все-таки вам?

– Я принимаю близко к сердцу дела моей племянницы.

Ловко. Выходит, я во всем виновата? Мы стали пить кофе и есть пирожные. От пирожных Серафима подобрела, разговор пошел непринужденный, я бы сказала, дружеский. Так как говорить особо было не о чем, говорили обо мне: кто я, откуда, чем занимаюсь, в каких спектаклях занята. Все остались довольны. Когда обо мне все было сказано, Илья Сергеевич позвонил по телефону и вызвал шофера, чтобы дать ему необходимые инструкции на завтрашний день. Через несколько минут, постучав, в кабинет вошел молодой человек. Увидев его, мы обалдели и некоторое время взирали, приоткрыв рты. Шофер по имени Саша был высоким плечистым негром, причем самым что ни на есть настоящим: шоколадным, курчавым и белозубым. Одет он был в ярко-зеленые штаны и желтую футболку. Я представила его в униформе, в фуражке с лакированным козырьком и под ложечкой засосало – ничего лучше и в Голливуде не найти. Изъяснялся негр Саша на прекрасном русском и в отличие от хозяина дефектами

речи не страдал. Он ушел, а мы продолжали пребывать в трансе. Видя, что скоро мы не отойдем, Илья Сергеевич счел нужным прояснить ситуацию. История не блистала оригинальностью: мать Саши встретила студента местного политехнического института, прибывшего с Африканского континента. Любовь прошла, а память о ней жила уже двадцать пять лет. Саша носил фамилию Матвеев, отчество Антонович, Африку в глаза не видывал и вообще по всем статьям являлся русским человеком. Так что глаза таращить и рты открывать было совершенно необязательно.

Съев все пирожные, мы покинули белоснежный офис, чувствуя, что нам улыбнулось счастье: завтра у нас была не только умопомрачительная для всей братвы машина, но и настоящий негр в придачу. С ума сойти, ей-богу.

– Едем к церкви, – сказала я, садясь в Серафимину машину.

Всю дорогу Владимир Петрович неизвестно чему радовался и над нами подшучивал, хотя в свете большого праздника, то есть дня рождения, такое поведение было извинительным. Тут я опомнилась и решила поинтересоваться:

– Тетка Серафима, а что у тебя было с этим Ильей?

– Ничего. Встречались пару раз.

– По-моему, он приличный человек, как считаешь?

– Никак. Мне нужна его машина. И не приставай с глупостями.

Суровость тетушки еще больше укрепила мои подозрения, что дело здесь нечисто. Однако размышления пришлось прервать: мы прибыли на место. Церковь не могла похвастать древностью, но красотой – вне всякого сомнения. Холм, покрытый яркой зеленью, несмотря на конец лета. Огромные липы. На заднем плане петляла река извилистой лентой, и сама церковь, сияющая свежей побелкой, колокольня с тремя рядами кокошников и широкая лестница. Придумать лучшего места для романтической встречи просто невозможно.

– Его машина будет на стоянке? – спросила я.

– Вряд ли. Обычно он ставит ее у забора.

– Отлично, значит, мы остановимся вот здесь. – Я вышла из машины и не спеша осмотрелась. Тетка Серафима брела за мной, правда, молча.

– Ну как? – все-таки не выдержала она.

– Нормально. От разрыва сердца он не умрет, но сознание потеряет.

– Я ведь серьезно спрашиваю.

– Завтра все и увидим. Машина Ильи Сергеевича в сочетании с негром-шофером может так повлиять на парня, что меня он просто не заметит.

– Это вряд ли, – хмыкнула Серафима и добавила: – Надень красное платье.

– Белое. Мы не на карнавал собрались.

– Зато он тебя издалека увидит.

– Хорошо, ты пойдешь рядом в красном. А я в белом.

– И сольешься с машиной. Слушай, что говорю, тетка плохого не пожелает…

Мы немного попрепирались и решили: пусть платье будет белое, а шарф терракотовый. Во-первых, он мне к лицу, а во-вторых, яркое цветовое пятно.

Мы отвезли Владимира Петровича домой, где его ждал праздник в кругу семьи, а сами занялись сценарием завтрашней встречи.

Вечером Серафима опять потащила меня в ресторан.

– А ты не экономишь, – вынуждена была заметить я.

– Зачем? Ежели ничего у нас не выйдет, так мелочиться глупо, а если все пройдет, как я думаю, то тем более.

И мы пошли в ресторан.

Серафима разбудила меня в половине седьмого. Я потрясла головой и сказала:

– Нас освищут.

– Что за пессимизм?

– Шесть тридцать утра. Я не могу взирать на жизнь оптимистически в столь раннее время.

– Это будет твоя лучшая роль, вот увидишь.

– Он не приедет или уснет в машине, или отправится в магазин…

– Ненавижу, когда ты вредничаешь. Вставай и не занимай надолго ванную, – заявила тетка и стянула с меня одеяло.

Через полчаса я была готова сыграть свою лучшую в жизни роль, а оптимизм по-прежнему плутал где-то вдалеке. Затея выглядела невероятно глупой. Серафима сурово косилась, и высказываться я не рискнула. Сидела возле окна и разглядывала двор.

Вскоре появился Владимир Петрович, невеселый и малость помятый. Как видно, день рождения он отметил неплохо и теперь страдал. Тетка, существо доброе, поднесла ему рюмку коньяку, и он минут через пятнадцать пришел в себя.

В точно назначенное время возле подъезда возникло белоснежное чудо на четырех колесах, которое тетушка сразу же окрестила «мечтой бандита». Серафима Павловна вдруг охнула, а потом отчетливо застонала.

– Ты чего? – испугалась я.

– Мы про негритенка забыли.

– Про кого? – Теперь я растерялась.

– Про негритенка, ну… Сашу этого…

– Ему двадцать пять лет, и называть его негритенком несколько странно. А потом, что значит забыли, если он приехал?

– В зеленых штанах и желтой футболке? Точно канарейка. Он нам все испортит. Посмотри в шкафу, там должен быть мужнин костюм.

К слову сказать, мужей у Серафимы было три: первый оставил на память гараж, второй – машину, а третий, по бедности, – носильные вещи. Вообще-то он собирался их забрать, но проникнуть в квартиру, не встретившись с бывшей супругой, не имел возможности и второй год оттягивал счастливый миг свидания.

Я устремилась к шкафу, но тут в дверь постучали и в прихожей появился Саша. Никаких зеленых штанов в помине не было, выглядел он просто сокрушительно, под стать «мечте бандита», а улыбался так, что глаза слепило. Я за всех нас порадовалась, затем подошла к зеркалу, взглянула на свое отражение и глубоко вздохнула.

– «Ромео, как мне жаль, что ты Ромео…» – дурацким голосом начала тетушка.

– Нет, уж скорее леди Макбет…

– Правильно, – с готовностью согласилась Серафима. – Некоторая стервозность никогда не помешает.

По дороге Саше были даны необходимые инструкции с учетом нашего сценария, он выслушал их очень внимательно и кивнул. Стало ясно, что он проникся и сделает все возможное. А я начала нервничать, как перед выходом на сцену. Свернули к церкви.

– Он здесь, – неожиданно серьезно сказал Владимир Петрович, как видно, и его зацепило.

Я увидела вишневую «восьмерку» возле ограды и силуэт мужчины на переднем сиденье.

– Надеюсь, он не спит, – сказала я сердито и торопливо перекрестилась.

Дальше было вот что: «мечта бандита», громко заскрипев тормозами, встала метрах в десяти от «восьмерки», Саша выскочил из машины и распахнул мою дверь, при этом поклонился и вроде бы даже каблуками щелкнул. Я, как было задумано, возникла и направилась к церкви, не обращая внимания на остальных. Остальные, то есть тетка Серафима и Владимир Петрович, малость замешкались, потому что перед ними дверь никто не распахивал и каблуками не щелкал, и теперь меня догоняли. Несколько суетливо. Я сосредоточилась на лестнице: подъем должен выглядеть величественно, второго дубля не будет. Тут я вспомнила парня в приемной Ильи Сергеевича и поправила шарф. Носовой платок, зажатый в руке, упал на ступеньки. Остановиться – значит сбиться с ритма, я пошла дальше, боковым зрением усмотрев, как Владимир Петрович торопливо нагнулся. Обогнав меня на последней ступени, он распахнул дверь, и мы вошли в церковь. Народу для воскресной службы было немного. Мы встали в сторонке и замерли.

– Он видел, – зашипела Серафима с избытком энтузиазма. – Глаза чуть не выскочили…

– Его доконала «мечта бандита», – съязвила я.

– А вот и нет.

– Жена Циркача, – шепнул Владимир Петрович. – Вон там, слева, ставит свечи.

Я с любопытством посмотрела на женщину, стоящую перед иконой Богородицы. Высокая брюнетка с приятным, но строгим лицом. Одета просто. Если бы не Владимир Петрович, я вряд ли обратила бы на нее внимание. Неожиданно женщина повернулась еще раз, увидела меня и стала разглядывать. Не могу похвастать, что к этому можно привыкнуть. Какое-то время мы смотрели друг на друга, потом она отвернулась.

– Каким взглядом одарила, – зашипела тетушка. – Правду говорят: сердце-вещун.

– Тетка, не могла б ты помолчать? В церкви разговаривать неприлично.

Серафима вроде бы обиделась, но замолчала. Владимир Петрович томился бессловесно. Где-то через полчаса жена Циркача направилась к выходу, верный друг слабо дернулся.

– Стоп, – сказала я. – Не сразу.

Выждав минут десять, мы покинули церковь. Циркач стоял возле открытого капота своей «восьмерки» и рылся в ее недрах. Мы прошли совсем рядом, он чуть приподнял голову и проводил нас взглядом, понаблюдал, как мы покидаем стоянку, после чего вытер руки и закрыл капот. Надо полагать, машину он уже починил. Мы свернули за угол и дружно закричали и захлопали в ладоши, причем Владимир Петрович громче всех. Чему радовался негр Саша, вообще понять невозможно.

Тетка Серафима два квартала заходилась в радостном визге:

– Слопал наживочку, что б мне пропасть!

– Это было классно, – влез Владимир Петрович и пожал мне руку. – Мои поздравления.

– Точно. Китайская стена рухнет, а тут мужик… Я уж и сама малость потерялась, а когда ты по ступенькам пошла, и вовсе очумела. Едва не брякнула: ваше высочество, платочек изволили уронить… Он нарочно тебя ждал, – усмехнулась Серафима, – хотел еще раз увидеть.

– А вы правда актриса? – спросил Саша.

– Правда. Только в кино не снимаюсь. Я в театре играю.

– А Циркач про вас спрашивал.

– Что? – в три голоса спросили мы.

– Спросил, кто такая.

– Вот так подошел и спросил? – нахмурилась Серафима.

– Конечно. Я ж его давно знаю, в «качалку» вместе ходили. Подошел и говорит: привет, Саня. Хозяина сменил? А я ему: нет. Илья перед знакомой выслуживается, виды имеет, а к ней племянница приехала, актриса. Вот он меня к ним и определил… Все, как вы велели.

– Молодец, – похвалила тетушка. – Еще что-нибудь говорил?

– Конечно, мы ж минут двадцать стояли. Он спросил: а мент чего с ними? Я говорю: не знаю, по разговорам, так они вроде давно знакомы. А Циркач спросил, как вас зовут. Я говорю: Лика – и добавил: правда, красавица? А он: да уж, ничего не скажешь…

Я слушала Сашу и хмурилась, Серафима буйно радовалась, а меня терзали смутные сомнения.

Около двенадцати мы расстались, но не с моими сомнениями, а с мужской половиной команды. Я продолжала терзаться. После обеда меня потянуло в Италию.

– Тетка Серафима, – сказала с легкой тоской. – А что с нашим отпуском?

– А чего с ним такого особенного? Отдыхаем.

– А как же Италия?

– Временно накрылась. Но если мы здесь быстренько разберемся, имеем шанс передохнуть в Венеции.

Такая наглость меня разозлила.

– Не представляю, как мы можем разобраться «быстренько». Пока мы ни на шаг не продвинулись.

– Как это? – возмутилась тетушка. – Да у него глаза на лоб вылезли.

– Подумаешь, глаза… И вообще, по-моему, мы переборщили. Он простой парень, а мы со своим реквизитом его скорее всего напугали. Он не пойдет на контакт.

– Ты эту публику не знаешь, – усмехнулась Серафима. – Для них самое лучшее не достаточно хорошо, можешь мне поверить.

– Нет, – покачала я головой. – И потом, эта женщина…

– Что за женщина? – насторожилась Серафима.

– Его жена…

– Вот только этого не надо, – начала свирепеть тетушка. – Давай мыслить шире. Всю эту кашу заварили они, а не я.

– Не усматриваю логики. Циркач кашу не заваривал, а его жена тем более. Бандит он или нет, а лезть в его жизнь порядочное свинство.

– Знаешь, что настоящее свинство? Волновать свою измученную тетку. Хочешь, чтобы я на старости лет без копейки осталась, по вокзалам мыкалась?! – Она вроде бы собралась реветь, я испугалась и стала мыслить шире.

– Я ведь не отказываюсь, хотя до старости тебе далеко, а о вокзалах и вовсе нет речи… Но сегодня мы пережали.

– Ты меня с ума сведешь, – всплеснула она руками. – И что теперь?

– Надо заземлять образ. Показаться еще раз.

– Опять в церкви? Так ведь целую неделю ждать. Не можем мы так бездарно тратить время, эдак и к Новому году с долгами не разделаешься.

Я решительно поднялась с дивана.

– Звони Володе, пусть приедет.

Володя приехал, чем вызвал во мне смутные подозрения. Впечатление было такое, что ему совершенно нечем себя занять.

– Ну что опять? – спросил он с излишней суровостью.

– Образ будем заземлять, – пожала плечами Серафима. – Сара Бернар говорит, пережали.

– В самый раз.

– Слушайте, если уж я участвую в этом дурацком спектакле, то буду делать все, как считаю нужным, – пришлось повысить мне голос. – Где живет этот ваш Циркач?

– На Подбельского, двухкомнатная квартира в пятиэтажке.

– По соседству имеется какое-нибудь заведение, куда бы я могла направиться утром?

– Плавательный бассейн.

– Замечательно. Во сколько Циркач выходит из дома?

– Анжелика Станиславна, у него ведь рабочий день ненормированный, откуда ж мне знать?

– Что ж, придется его подкарауливать.

– А у меня в девять планерка. Так что Циркача подкарауливать я никак не могу.

– Обойдемся, – махнула рукой Серафима. – Много от тебя толку.

Утром мы заняли позицию на улице Подбельского слева от сквера. Машина здесь в глаза не бросалась и стояла в тени, так что был шанс не свариться заживо до

того момента, когда появится Циркач. Накануне мы здесь все облазили и составили план. Впрочем, никакого особого плана и не требовалось.

Пять минут десятого дверь подъезда, в котором жил Циркач, открылась и показался он сам. Зеленые слаксы, пестрая рубашка, кроссовки и темные очки. Надеюсь, у него хорошее зрение. Я подхватила сумку и пошла навстречу. Сегодня я точно была Джульеттой. Солнечное утро, легкий ветерок, безмятежность… Я смотрела прямо перед собой и слегка улыбалась. Он как раз отпирал машину, увидел меня, замер, проводил долгим взглядом. Я чувствовала его спиной. Толкнула стеклянную дверь бассейна и с облегчением вздохнула. Все-таки странно, что я так нервничала.

– Ну, теперь только ждать, – сказала Серафима, когда я вернулась в машину. – Не можем мы ему больше глаза мозолить. Как думаешь, клюнул?

Я только пожала плечами.

К вечеру мы заскучали. Энтузиазм испарился, осталось осознание того, что мы уже сделали все, что могли, а будет ли от этого толк, неизвестно. Тетушка с заметной тоской поглядывала на мебель, точно прощалась с ней навеки. А я опять подумала об Италии, она выглядела еще заманчивее.

– Ох, – глухо простонала Серафима, – может, в ресторан, а, племяшка? На людей посмотрим, себя покажем?

– Отвари пельменей, – посоветовала я.

– Ну что ты к дивану прилипла? Ты ж богемная женщина…

– Мама всегда говорила, что «богема» слово бранное и меня к нему не приучила.

– Мама человек мудрый, но недопонимает.

Серафима слонялась по квартире и насвистывала, чем очень меня раздражала.

– Прекрати, – сказала я. – Все деньги высвистишь.

– Откуда ж им теперь взяться? Ох, горе-горькое, и квартира-то уже как чужая…

– Что за упаднические настроения? – возмутилась я. – Кто советовал держать хвост по ветру?

– Удержишь тут, как же. Сегодня, между прочим, понедельник.

– Я могу позвонить своему плешивому бизнесмену, – предложила я и покраснела. – Это ты на меня дурно влияешь. Встряхнись. Хочешь, махнем километров пятьдесят на велосипедах или поднимемся на Эверест?

– Не хочу.

– Хорошо, пойдем в ресторан.

Серафима махнула рукой, поразмышляла и сказала:

– Он должен клюнуть. Мужик он, в конце концов, или нет?

– Ты меня спрашиваешь? – удивилась я.

Тут в дверь постучали, я испугалась, а Серафима нахмурилась.

– Кто это?

– Понедельник, – напомнила я.

Тетка замысловато выругалась и пошла открывать. Входная дверь хлопнула. Услышав голос Владимира Петровича, я облегченно вздохнула. Он прибыл не один. Рядом сиял улыбкой Илья Сергеевич Тарханов с тремя белыми розами в руках. Положительно, он имел виды на Серафиму. Приняв розы, та милостиво протянула руку и сказала:

– Что ж, проходите. – Теплоты в ее голосе было как в мороженой рыбе. Илью Сергеевича это не смутило, он продолжал улыбаться так же лучезарно.

– Вы в подъезде столкнулись? – поинтересовалась Серафима.

Владимир Петрович хмыкнул и ответил миролюбиво:

– Не угадала. Налицо тайный сговор.

– Интересно. С чем пожаловали?

– А просто так нельзя?

– Просто так мне недосуг. Скорбит душа. С мебелью прощаюсь.

– А я, можно сказать, по делу, – заговорил Илья Сергеевич, наблюдая за тем, как Серафима ставит цветы в вазу. – Хочу вам предложить работу у себя.

– С чего это вдруг? – очень натурально удивилась тетушка.

– Мне нужен хороший специалист.

– Хороший это не про меня. Хороший за долги квартиру не продает.

Серафима села в кресло, сверля Илью Сергеевича взглядом.

– Чаю хотите? Лика организует.

– Нет-нет, спасибо, – отказался Тарханов, чем очень меня порадовал, подниматься с дивана совершенно не хотелось.

– А ты чего это домой не спешишь? – накинулась тетушка на Владимира Петровича.

– Катерина с девчонками к теще уехала, в деревню. Парень я теперь холостой, Илья Сергеевич поманил, я и купился.

– Вот оно что. Если вы холостые сегодня, может, женщин в ресторан пригласите?

– Ты, Серафима, совесть имей, – укорил тетушку Владимир Петрович. – С моей-то зарплатой по ресторанам шляться?

– А почему бы и нет? – обрадовался Тарханов. – По-моему, отличная идея. Я уже не помню, когда в последний раз был в ресторане.

– Серьезно? – фыркнула Серафима.

– Серафима Павловна, я ведь за тот случай уже извинялся, – тихо сказал Илья Сергеевич. – Помилосердствуйте, вспомните пословицу: лежачего не бьют.

Серафима поразмышляла, разглядывая потолок, потом кивнула:

– Ладно, мужики. Катим в ресторан.

– Да ну его, – заскучал Владимир Петрович. – Давайте ко мне, посидим как люди, я вас пельменями накормлю. – Мы засмеялись, а он обиделся. – Хорошие пельмени, жена сляпала.

– Катька твоя отродясь ничего путного сляпать не могла, так что придется тебе потратиться.

– Куда прикажете? – поинтересовался Илья Сергеевич, поднимаясь.

– В «Узбекистан», – ответила Серафима, чем вызвала легкое замешательство у мужчин.

– Ну вот, – вздохнул Владимир Петрович. – Дался тебе этот притон…

– Ничего, на подопечных своих посмотришь. Живут не тебе чета. Собирайся, радость моя, – повернулась она ко мне. – Мужики приглашают, грешно отказываться.

Подавив тяжкий вздох, я поднялась с дивана.

«Узбекистан» радовал глаз цветными витражами и таинственным полумраком. Мы устроились в нише, напоминающей беседку, и стали смотреть по сторонам. Публика была обычной, ресторанной. Серафиме очень скоро надоело таращить глаза, и она пристально посмотрела на меня. Я тосковала о покинутом диване. Однако очень скоро тоска сменилась удивлением при виде сокрушительной щедрости Ильи Сергеевича. Съесть все я и за неделю бы не смогла, но все равно порадовалась.

Где-то через полчаса в зал ввалилась шумная компания человек в пять. Официантки засуетились, публика насторожилась, а тетка Серафима нахмурилась.

– Кто это? – спросила я, догадываясь, каким будет ответ, и не ошиблась.

– Катков-старший. Вон тот, у окна, в сером костюме.

На Юрика Каткова стоило посмотреть. Выглядел он роскошно и сам себе нравился. Наверное, многие женщины сочли бы его красавцем, конечно, те, кому по душе подобные типы. Гладко зачесанные назад волосы, золотые запонки, бриллиантовая булавка в галстуке величиной с куриное яйцо – голливудский гангстер, да и только. Чувственные губы презрительно кривились, а глаза невероятной яркости и голубизны взирали на мир с наигранным равнодушием.

– По дружку соскучилась? – съязвил Владимир Петрович.

– Что б ему пропасть, – в сердцах ответила Серафима.

Дальше стало еще интересней. Не прошло и часа, как в зале появился еще один тип. Я вряд ли бы обратила на него внимание, но Серафима вдруг подпрыгнула на стуле и начала вращать глазами, так что мне волей-неволей пришлось заинтересоваться.

Тетушкины прыжки объяснялись просто: в ресторане появился Циркач. Тут надо пояснить, что, возникая перед ним прекрасным видением, я так погружалась в образ, что рассмотреть его как следует не имела возможности. Теперь случай представился.

Циркач меня разочаровал. В нем не было ничего особенного. По нынешним меркам невысокий, широкоплечий, простоватое лицо, короткая стрижка. Обычный парень, каких тысячи. В ресторан он пришел в спортивном костюме. Подбрасывая ключи от машины и насвистывая, направился к столику в противоположном углу, где шумно отдыхала компания молодых ребят. Судя по всему, приехал он для того, чтобы с кем-то увидеться. Хотя у него и было тяжелое детство, но я отказывалась верить, что он считает возможным появляться здесь в таком виде.

Циркач разговаривал с бритым наголо здоровяком, слегка наклонившись к его уху, и тут, надо полагать, увидел нас. Глаза Серафимы загорелись дикой радостью.

Циркача приглашали остаться, поначалу он качал головой, отказывался, но вдруг передумал. Устроился за столом, поглядывая в нашу сторону.

– Это судьба, – прошипела Серафима.

– Чему радуешься? – разозлилась я.

Наши мужчины повели ушами.

– А в чем дело? – спросил любопытный Илья Сергеевич. Верный друг ухмыльнулся, но промолчал. Ответила Серафима:

– Лика увидела знакомого.

– Неужели вон тот бесцветный тип и есть предел ваших мечтаний? – изумился Тарханов. – Не могу поверить. Невзрачный парень, к тому же похож на бандита…

– Да? – удивилась я. – А мне казалось, он довольно приятный молодой человек.

– Мы говорим о разных людях? Кстати, он упорно на вас смотрит.

Я сидела к Циркачу спиной и наблюдать за ним не имела возможности. Приходилось полагаться на Серафиму. Илья Сергеевич почему-то занервничал, разговора не получалось. Серафима была слишком увлечена наблюдением,

чтобы достойно реагировать на два внешних раздражителя в виде сидевших за столом мужчин.

– Он остался из-за тебя, – продолжала радоваться тетушка.

Мне же был чужд ее оптимизм.

– Ну и что? Может, пригласить его на белый танец?

– Наверное, это все-таки слишком.

– Да? А то я с удовольствием…

– Пригласить должен он.

– В спортивном костюме? По-моему, это несколько странно. А потом, не принято приглашать на танец женщину, сидящую в компании мужчин.

– Где не принято? – начала вредничать Серафима, я только рукой махнула.

В конце концов тетушке надоело разглядывать Циркача, было ясно, что никаких шагов в отношении меня он предпринимать не будет, по крайней мере сегодня. Мы вздохнули: тетушка с грустью, я с облегчением.

Мужчины, потратив некоторые усилия на бесплодные попытки завязать с нами разговор, на время удалились. Серафима прикидывала наши шансы в отношении обладателя спортивного костюма, когда я, почувствовав чье-то присутствие рядом, с удивлением обнаружила, как переменилась в лице тетушка. Я посмотрела вправо, пытаясь отгадать, что такое особенное она усмотрела за моей спиной. И увидела Каткова. Как-то я умудрилась забыть о его существовании. Оказалось, напрасно. Каток был изрядно пьян и в приподнятом настроении.

– Привет, Серафима, – сказал он. Голос как нельзя лучше соответствовал его облику: чувственный и возмутительно наглый.

– Здравствуй, Юра, – спокойно ответила Серафима.

– Вроде сегодня понедельник? – поинтересовался он.

– Помню, Юра. Нашла покупателей на квартиру. Я отдам деньги, все до копейки, не сомневайся.

– Не сомневаюсь, – хохотнул он и покосился на меня. – А это, значит, твоя племянница?

– Да. Приехала в отпуск.

– Ясно. Тетушке помочь в трудную минуту? Молодец, деточка. – Привалившись к моему стулу, Каток стал меня разглядывать. Удовольствие небольшое. Помня советы Серафимы, я сосредоточилась на тарелке. – Племянница у тебя что надо, – ухмыльнулся Каток, сделал паузу и добавил: – Только ведь я натурой не беру, так что не трудись.

Выражение «вся кровь ударила в голову» стало мне совершенно понятно, надо полагать, именно это со мной и произошло, потому что я разом забыла все тетушкины советы, посмотрела на Катка и поинтересовалась:

– Вы что, местный сумасшедший?

– Деточка, – ласково сказал он, – сунь в ротик апельсинчик и заткнись.

– Пошел вон, – ответила я, сотрясаясь внутренней дрожью не от страха даже, а от ярости, кстати, чувства опасного и, как правило, не обещающего обладателю спокойной жизни. Разговор принял скверный оборот. Беда в том, что уступать я не умею, твердолобое упрямство у меня наследственное.

– В самом деле, – попыталась прийти мне на помощь тетушка, – шел бы ты, Юра.

Каток хмыкнул, наклонился к моему уху и сказал слов десять. Порядочная женщина ни одного из них повторить не рискнет. Зря он это сделал, не стоило. Хотя, если разобраться, мне тоже многое чего не стоило делать в этот вечер.

Но как бы то ни было, Юрик произнес эти мерзкие слова, а я поднялась и от души съездила ему по физиономии. Поначалу я решила, что у меня заложило уши: наступила мертвая тишина. Потребовалось некоторое время, чтобы понять: с ушами все в порядке, а вот в остальном… Публика, затаив дыхание, ожидала, что последует дальше, добиться такого эффекта в театре мне еще не удавалось. Странно, что я не хлопнулась в обморок, ведь все шло к этому. Я смотрела в невероятно синие глаза Катка и проклинала себя за несдержанность и глупость. Посмотрите, какая смелая. На кладбище будешь хвастать своей смелостью…

Казалось, мы уже давно стоим, пялясь друг на друга, на самом деле прошло несколько секунд. Каток еще только прикидывал, что такого забавного сотворить со мной, а на помощь уже спешил Владимир Петрович. Вслед за ним, лавируя между столами, торопился Тарханов. Каток заметно расслабился, ухмыльнулся еще шире и убрал руку со спинки стула.

– Привет, начальник, – паясничая, сказал он.

– Здравствуй, Юра, – кивнул Владимир Петрович. – Что-то я не помню, что б тебя к своему столу приглашал.

– Поздороваться подошел, мы с Серафимой старые друзья. Правда, Серафима?

– Правда, – кивнула тетушка, с трудом разжав челюсти.

– Вот-вот, – хмыкнул Каток. – А племянница у тебя хороша, слов нет. Такую-то красоту беречь надо. Красота-то, она сегодня есть, а завтра, глядишь, от нее ничего и не осталось…

– Да ты никак грозишься, Юра? – удивился Владимир Петрович.

– И в голове не держал. Так, к слову. Сами знаете, какие времена. Вот и беспокоюсь: изувечат девку не ровен час.

На этой оптимистической ноте Каток заткнулся и направился к своему столу. А я побледнела и плюхнулась на стул. Серафима с серовато-зеленым цветом лица была лишена даже намека на утренний оптимизм, Владимир Петрович хмурился, а Илья волновался.

– Что произошло? – тревожно спросил он.

Серафима кратко передала историю с Юриком.

– Ну девицы, ну утешили, – невесело хохотнул Владимир Петрович. – Одна Жорика бутылкой треснула, другая Юрику по роже съездила. Молодцы. Пора вам вещички собирать. По мне, так самое время.

– Вот сволочи, – выругался Илья, что было на него как-то не похоже. – Распоясались. Приличным людям в ресторане нельзя появиться.

– Если ты в мой адрес высказываешься, – хмыкнул Владимир Петрович, – так отвечу честно: не знаю. Юрика и на пятнадцать суток упечь затруднительно. Приставал к женщине и получил по роже, вроде как пострадал. Что делать прикажешь?

– Ты же слышал, что он сказал. Этот подонок угрожал Лике в нашем присутствии.

– И вовсе не угрожал, а высказывал беспокойство о красоте Анжелики Станиславны в связи с криминальной обстановкой в городе.

– Здорово, – хохотнул Илья и покачал головой.

– Рад, что тебе нравится, – усмехнулся верный друг.

Тут подала голос Серафима:

– Эх, одно утешает: Циркач-то клюнул. Сама видела: когда ты Юрику по фейсу съездила, он свою задницу со стула приподнял на целых пятнадцать сантиметров.

– Так уж и на пятнадцать? – съязвила я, пытаясь прийти в себя.

– Ну, может, на четырнадцать с половиной. Не появись так стремительно наши мужчины, он бы вмешался. Не зря мы, выходит, ему глаза мозолили. Жаль, что теперь это уже не имеет значения. Завтра утром уезжаешь домой. Володя,

сможешь посадить ее на автобус?

– Будет лучше, – сказал Тарханов, – если я Лику сам отвезу. Триста километров расстояние небольшое, а сегодня вам лучше у меня переночевать.

Володя кивнул. Странно, но Серафима вроде бы с предложением согласилась, а я позволила себе поинтересоваться:

– Как ваша семья отнесется к вторжению?

– Никак. У меня нет семьи. То есть я живу отдельно от родителей. У меня большой дом.

– И секретарша, надо полагать, в отпуске, – закончила Серафима.

Илья Сергеевич удрученно опустил глаза долу. Сейчас я была не расположена отгадывать их загадки, другие мысли одолевали. Настроение было безнадежно испорчено, потому мы покинули ресторан и отправились к Тарханову, заехав перед этим к Серафиме за моими вещами.

Дом Ильи в самом деле был большим. Двухэтажный особняк с мансардой недалеко от центра города. Илья объяснил, что ранее на этой улице, застроенной частными домами, жила его бабушка. После ее смерти старенький домик снесли, а на освободившемся участке воздвигли шедевр современной архитектуры из красного кирпича. Лужайка перед домом отсутствовала из-за стойкого нежелания населения понять, что времена меняются и соседи тоже. Вместо лужайки был забор на каменных столбах, с воротами и кованой калиткой. На оставшихся от всего этого великолепия нескольких метрах земли были разбиты клумбы, выглядевшие для конца августа очень нарядно.

Сколько в доме комнат, осталось неизвестным. Илья использовал только три, не считая белоснежной кухни. Ванная комната, куда я направилась, чтобы смыть неприятное впечатление от встречи с Катковым, была малахитово-зеркальной. Конечно, я не берусь утверждать, что малахит настоящий, но по виду стоило это великолепие, как чистое золото.

Вернувшись из ванной, я застала всю компанию в кухне. Серафима пила чай, а мужчины кофе. Все выглядели удрученными, мне стало ясно, что настроение я им не улучшу. Что ж делать…

– Вам надо лечь пораньше, – сказала Серафима. – Чтобы выехать до жары. Завтра двадцать семь градусов обещали.

– Я никуда не поеду, – скромно сказала я, взяв из ее рук чашку с чаем.

– Что? – нахмурилась Серафима, а Владимир Петрович начал меняться в лице и гневаться.

– Что еще за глупости? – поинтересовался он.

– Почему глупости? – миролюбиво сказала я, желая избежать скандала. – Не вижу причины покидать город из-за типа, которого не научили в детстве прилично себя вести.

– Стоп, стоп, стоп, – постучал ладонью по столу Владимир Петрович. – Лика, ты не понимаешь… Совершенно не хочется говорить, что с тобой может произойти. По мне, так тебе и знать ни к чему, что такое на свете бывает.

– Давайте рассуждать спокойно, – ответила я. – Тетушка ударила младшего Каткова бутылкой и, слава богу, жива-здорова. Я думаю, вы слегка преувеличиваете опасность…

– Как же, – хмыкнул верный друг. – Серафима огрела Жорика в своем кабинете, как говорится, тет-а-тет, а ты, дорогая моя, на глазах у всего кабака, в его, можно сказать, родном доме. Ощущаешь разницу?

– Эта сволочь тебя с дерьмом смешает, – серьезно сказала тетушка.

– Но ведь не сегодня, – попробовала улыбнуться я. – В любом случае, не могу я уехать, когда Циркач оторвал свою задницу от стула на целых пятнадцать сантиметров.

– На четырнадцать с половиной, – поправила тетушка.

– Все равно, – сказала я с видом человека, разубеждать которого не имеет смысла.

Тетка посмотрела на меня внимательно, вздохнула и махнула рукой.

– Лика… – сурово начал Владимир Петрович, но Серафима его перебила:

– Бесполезно, друг мой Вовка. Уж коли вожжа под хвост попала, сам черт не остановит. Ослиное упрямство – основное достояние нашей семьи.

Тут подал голос Илья:

– Я ничего не понимаю: кто такой Циркач, при чем тут его задница и что за дурацкие сантиметры?

– Чего ж не понять? – вздохнул Владимир Петрович. – Вот эти леди задумали самолично разобраться с Катковым, для того им и Циркач понадобился, и твоя машина, кстати, тоже.

– Так это все из-за денег? – Илья покачал головой. – Конечно, уступать этой сволоте премерзко, но жизнью рисковать глупо, поэтому деньги лучше отдать. Сто миллионов не та сумма, из-за которой стоит лишаться головы. Я сам поговорю с этим Катковым и решу вопрос.

– Только сунься, – зло сказала Серафима, неожиданно переходя на «ты». – Не помню, чтобы я тебя просила вмешиваться.

– Эй-эй, – перебил Владимир Петрович. – Речь сейчас не о ваших амбициях, а о том, что Лике в городе оставаться нельзя.

– И все-таки я остаюсь, – улыбнулась я. – И не трудитесь меня разубеждать.

– Хорошо, – верный друг зло кивнул. – Как видно, придется мне отпуск брать.

– Не стоит свой драгоценный отпуск на нас тратить, – сказала Серафима. – А вот больничный мы тебе организуем.

Он фыркнул и отвернулся, а Тарханов проявил желание все понять и во всем разобраться.

– Объясните, что вы задумали.

Тетушка стала рассказывать о нашем гениальном плане, а я пить чай, который остыл и был невкусным.

– Авантюра чистой воды, – покачал головой Илья Сергеевич, выслушав Серафиму Павловну. – Я категорически против…

– Кто ж тебя спрашивал? – удивилась тетушка.

Илья обиделся. Посопел немного и сказал почти жалобно:

– Вам лучше жить у меня. Здесь безопасно. И выходить только в сопровождении…

– Нет, – перебила я. – Как в таком случае Циркач со мной познакомится?

– Дался вам этот Циркач, – возмутился Илья Сергеевич. – Меняете одного бандита на другого… – Он посмотрел на нас, вздохнул тяжко и добавил: – Хотя бы Сашу возьмите, вместе с машиной. Все-таки охрана.

– Негритенка? – поинтересовалась я и покраснела.

– Кого? Ах, ну да, негритенка. Кстати, в нем сто килограммов, и он какой-то там чемпион по карате, хотя, может, это и называется по-другому. В общем, вашим дурацким планам он не помеха, а нам с Владимиром Петровичем намного спокойнее.

Верный друг в ответ сердито засопел.

Утром все разъехались: Владимир Петрович на службу, Тарханов в свой белоснежный офис, а Серафима Павловна в казино: какие-то дела требовали ее присутствия, что меня, признаться, удивило. Конечно, бухгалтерия вещь тонкая

и творческому складу ума недоступная, но мне почему-то казалось, что тетушка, по обыкновению, темнит. В общем, я осталась совершенно одна в огромном доме и очень скоро стала чувствовать себя неуютно. Немного послонявшись по первому этажу, я решила прогуляться: во-первых, сидя в доме многого не добьешься, во-вторых, день обещал быть чудесным, а у меня как-никак отпуск.

Я оделась, положила в сумку телефон, который дал мне Тарханов с наказом всегда держать его под рукой, и направилась к выходу. Здесь меня и застал звонок. Белый с золотом аппарат разорвал тишину огромного дома. От неожиданности я подпрыгнула, потом отдышалась и уже только после этого сняла трубку.

– Алло, – сердито сказала я, потому что была немного напугана. Мне никто не ответил. – Алло, – повторила я и услышала короткие гудки.

Мне стало слегка неуютно. Возможно, это какая-нибудь знакомая Тарханова не пожелала говорить со мной? Я покосилась на входную дверь и решительно ее распахнула. Мне срочно требовалось доказать самой себе, что я ничего не боюсь.

Я шла тенистой аллеей, испытывая неприятное чувство, что за мной наблюдают. Ничего подозрительного не происходило, так что оставалось гадать: то ли мое воображение со мной шутит и я сама себя пугаю, то ли все еще впереди. На улице я понемногу приободрилась: ярко светило солнце, торопливо шли навстречу люди, в сквере за углом громко смеялись дети. Жизнь шла своим путем…

Катков не знает, что мы ночевали у Ильи, утешила я себя, а возможность случайной встречи в большом городе весьма невелика. Я пересекла сквер и вышла к Соборной площади. Слева размещалось кафе, по случаю жары столы вынесли на тротуар, укрыв полосатыми зонтиками. Я села за пустой столик и заказала большую порцию мороженого, чувствуя себя почти в безопасности: среди сотен тысяч горожан я как иголка в стоге сена. Излишняя самоуверенность до добра не доводит, очень скоро я смогла в этом убедиться.

Сначала я увидела машину, номер я запомнила еще у церкви и потому сразу же узнала. Циркач медленно проехал мимо, вроде бы даже не глядя в мою сторону, затем сдал назад и припарковал машину прямо под знаком «Стоянка

запрещена». Как видно, таким мелочам он значения не придавал.

Поначалу я растерялась, но длилось это недолго, я смогла быстро справиться с ненужным волнением, ела мороженое и лениво разглядывала редких посетителей кафе. Циркач возник в поле моего зрения и сказал:

– Здравствуйте, Анжелика Станиславна.

– Здравствуйте, – с готовностью ответила я и лучезарно улыбнулась. Парню надо было помочь, потому, продолжая улыбаться, я спросила неуверенно: – Вы приятель Ильи Сергеевича? Он нас знакомил?

– В общем, да, – широко улыбнулся мне Серега Правдин и сел напротив, поинтересовавшись при этом: – Можно?

– Конечно, конечно, – заверила я, разглядывая его с таким видом, точно пыталась вспомнить.

Сегодня он был в светлых брюках, легких ботинках и зеленой трикотажной рубашке. Короткая стрижка и темные очки делали его родным братом всех молодых людей в этом сезоне. Впрочем, выглядел он вполне прилично. Илье Сергеевичу, конечно, и в голову бы не пришло выбрать такую рубашку, но у Тарханова было счастливое детство. В общем, Циркач вызывал у меня вполне положительные эмоции, что было не лишним: изображать интерес к человеку, который тебе попросту противен, крайне затруднительно.

Пауза несколько затянулась, и я сказала неуверенно, но вполне доброжелательно:

– Извините, я не помню вашего имени…

– Сергей.

– Сергей… – Я вопросительно подняла брови.

– Просто Сергей, попробуем обойтись без отчества.

– Отлично, – засмеялась я. – Тогда я просто Лика. Идет?

– Идет. Почему вы одна?

– Потому что я в отпуске, а люди работают. Вот я и отдыхаю в одиночестве, жду, когда Серафима Павловна освободится от всех дел и мы уедем в Италию. Вы были в Италии?

– Не приходилось. В Турции был, в Эмиратах…

– Понравилось?

– Нормально. Интересно все-таки за границу махнуть.

– А я никогда за границу не ездила.

– У нас долго пробудете?

Я пожала плечами:

– Не знаю. Это от Серафимы зависит.

– Серафима – это ваша тетя?

– Да, тетя… Сережа, а нас точно Илья Сергеевич знакомил? Мне очень неудобно, но я совершенно вас не помню…

– Не такой я человек, чтобы меня долго помнить, – засмеялся он и вдруг сказал: – А я вас в театре видел. То есть смотрел ваш спектакль. Вы Эдит Пиаф играли.

– Да, – растерялась я. – Когда вы его видели? И где? Сюда мы на гастроли не приезжали…

– Дружок у меня в вашем городе, служили вместе. Два года назад в гости ездил. А у него жена в театре работает, гримершей. Вот она и повела нас в театр, вас очень хвалила.

– Спектакль вам понравился?

– Еще бы, и вас я сразу узнал.

Это он, конечно, врет. Скорее всего выяснил, что за женщина ему глаза мозолит, и вспомнил, как два года назад был в театре. Жена его, кстати, очень похожа на тех женщин, что любят хранить программки, открытки и прочий хлам. Но все равно было приятно.

– А как зовут вашу знакомую, я имею в виду гримершу? – спросила я.

– Таня. Таня Новикова.

– Танюша? – Тут я удивилась по-настоящему, с Татьяной мы давно приятельствовали. Теперь я даже вспомнила, что она действительно пару лет назад приводила своих друзей после спектакля, а женщина, надо полагать, жена Циркача, преподнесла роскошный букет и долго восторгалась спектаклем. Возможно, именно поэтому она так пристально смотрела на меня в церкви: пыталась понять, откуда ей знакомо мое лицо. Оторвавшись от воспоминаний, я всецело переключилась на Правдина. Мы поговорили о театре, о семье Новиковых, где со дня на день ожидалось прибавление, и почувствовали себя давними приятелями. Болтали мы уже довольно долго, и разговор вот-вот должен был иссякнуть, но просто прервать его неосмотрительно: где и когда случай еще сведет нас. Серега томился нерешительностью, и я вновь пришла ему на помощь. Взглянула на часы и спросила застенчиво:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tatyana-polyakova/ya-vashi-nepriyatnosti

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить